

6. Кантере В.М., Матисон В.А., Фоменко М.А. и др. Органолептический анализ пищевых продуктов: монография. – М.: Издский комплекс МГУПП, 2001. – 151 с.

7. Шендеров Б.А. Инновационные продукты и ингредиенты-драйверы молочного рынка // Молочная промышленность. – 2013. – № 6. – С. 62-66.

References

1. Ipatova L.G., Kochetkova A.A., Nechaev A.P., Tutel'yan V.A. Zhirovye produkty dlya zdorovogo pitaniya. Sovremenniy vzglyad. – М.: DeLi print, 2009. – 396 с.

2. Bauernfeind J.C., Lachance P.A. Foods considered for nutrient addition: fats and oil. In: Nutrient Additions to Food. – Food and Nutrition Press, Connecticut. – 1991. – P. 124.

3. Food fortification. Technology and quality control. Report of an FAO Technical meeting Rome, Italy, 20-23 November 1995. – Roma, 1996. – R. 104.

4. Edelev D.A. Teoreticheskie predposylki proektirovaniya prodovol'stvennykh tovarov s uchetom potrebitel'skikh predpochtenii // Tovaroved prodovol'stvennykh tovarov. – 2011. – № 4. – S. 31-34.

5. Brizhasheva O.V. Marketing trgovli. – Ul'yanovsk: UIGU, 2007. – 238 s.

6. Kantere V.M., Matison V.A., Fomenko M.A. i dr. Organolepticheskii analiz pishchevykh produktov: monografiya. – М.: Izdatel'skii kompleks MGUPP, 2001. – 151 s.

7. Shenderov B.A. Innovatsionnye produkty i ingredienty-draivery molochnogo rynka // Molochnaya promyshlennost'. – 2013. – № 6. – S. 62-66.

УДК 60.542.15

М.Б. Максимов, М.И. Черепанова, С.Г. Максимова, О.Е. Ноянзина, Н.П. Гончарова, Д.А. Омельченко
M.B. Maksimov, M.I. Cherepanova, S.B. Maksimova, O.Ye. Noyanzina, N.P. Goncharova, D.A. Omelchenko

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

SOCIAL AND ECONOMIC CONDITIONS OF SPREAD OF SUICIDAL BEHAVIOR IN THE POPULATION OF THE ALTAI REGION

Ключевые слова: социально-экономические условия, суицидальное поведение, факторы суицидального риска, социально-экономическое благополучие, уровень жизни.

Представлены анализ данных официальной статистики, связанных с социально-экономическим положением населения в регионе основные данные социально-экономического благополучия населения, обуславливающие особенности распространения суицидального поведения; причин социального, экономического и иного характера, способных оказать влияние на развитие суицидальной ситуации в Алтайском крае. Приведена оценка уровня суицидов по Алтайскому краю и России. Несмотря на позитивную динамику, связанную со снижением уровня суицидов с 2009 по 2013 гг., коэффициент суицидальности в Алтайском крае в настоящее время превышает среднероссийский в 1,2 раза и предельно допустимый в 20 суицидов на 100 тыс. населения в 1,8 раз, что свидетельствует о неблагоприятной суицидологической ситуации в регионе. Приведен теоретический материал о социально-экономических детерминантах суицидального риска. Дана комплексная оценка суицидальной ситуации в Алтайском крае в сравнении с

официальными данными по Сибирскому федеральному округу и России в целом.

Keywords: social and economic conditions, suicidal behavior, factors of suicidal risk, social-economic welfare, living standards.

The official statistics data on the social and economic condition of the population in the Altai Region is analyzed. The level of suicides in the Altai Region and Russia is evaluated. The general data on social-economic welfare of the population that cause the peculiarities of the spread of suicidal behavior is discussed and the reasons of suicides of social, economic and other nature are revealed. Despite the positive dynamics of the level of suicides in 2009-2013, the suicide rate in the Altai Region is 1.2 times higher than the average in Russia and 1.8 times higher than the extreme level of 20 suicides per 100 thousands of people. That is indicative of unfavorable suicide situation in the Region. Theoretical material on social-economic determinants of suicidal risk is presented. Integrated evaluation of the suicidal situation in the Altai Region as compared to the official data of the Siberian Federal District and Russia in whole is presented.

Максимов Максим Борисович, к.м.н., Алтайский государственный университет. Тел.: 913-218-89-05. E-mail: maxbmax@rambler.ru.

Черепанова Мария Ивановна, к.п.н., доцент, каф. психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет. Тел.: 909-506-09-03. E-mail: cher_67@mail.ru.

Максимова Светлана Геннадьевна, д.социол.н., проф., зав. каф. психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет. Тел.: 913-215-60-82. E-mail: svet-maximova@yandex.ru.

Ноянзина Оксана Евгеньевна, к.социол.н., доцент, каф. психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет. Тел.: 923-644-02-85. E-mail: noe@list.ru.

Гончарова Наталья Петровна, к.социол.н., доцент, каф. эмпирической социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет. Тел.: 903-995-85-25. E-mail: g-natalia@mail.ru.

Омельченко Дарья Алексеевна, к.социол.н., доцент, каф. психологии коммуникаций и психотехнологий, Алтайский государственный университет. Тел.: 913-214-81-19. E-mail: daria.omelchenko@mail.ru.

Maksimov Maksim Borisovich, Cand. Med. Sci., Altai State University. Ph.: 913-218-89-05. E-mail: maxbmax@rambler.ru.

Cherepanova Mariya Ivanovna, Cand. Pedagogic Sci., Assoc. Prof., Chair of Psychology of Communications and Psycho-Technologies, Altai State University. Ph.: 909-506-09-03. E-mail: cher_67@mail.ru.

Maksimova Svetlana Gennadyevna, Dr. Sociol. Sci., Prof., Head, Chair of Psychology of Communications and Psycho-Technologies, Altai State University. Ph.: 913-215-60-82. E-mail: svet-maximova@yandex.ru.

Noyanzina Oksana Yevgenyevna, Cand. Sociol. Sci., Assoc. Prof., Chair of Psychology of Communications and Psycho-Technologies, Altai State University. Ph.: 923-644-02-85. E-mail: noe@list.ru.

Goncharova Natalya Petrovna, Cand. Sociol. Sci., Assoc. Prof., Chair of Empirical Sociology and Conflict Management, Altai State University. Ph.: 903-995-85-25. E-mail: g-natalia@mail.ru.

Omelchenko Darya Alekseyevna, Cand. Sociol. Sci., Assoc. Prof., Chair of Psychology of Communications and Psycho-Technologies, Altai State University. Ph.: 903-995-85-25. E-mail: daria.omelchenko@mail.ru.

Актуальность

Процессы депопуляции населения в России в течение последних десятилетий связаны с высоким уровнем смертности, снижением качества здоровья. Данные тенденции достаточно стабильны и носят стагнирующий характер. В настоящее время в структуре смертности населения преобладают сердечно-сосудистые, онкологические заболевания, а также внешние причины смерти, среди которых лидируют самоубийства. За последние двадцать лет около 600 тыс. россиян погибли в результате самоубийства. В течение указанного периода, по данным ВОЗ, Россия входит в пятерку стран, лидирующих по уровню самоубийств. Данное положение ВОЗ определила для России как «вялотекущее чрезвычайное состояние».

Актуальность проблемы заключается в том, что на каждый завершённый суицид приходится от 10 до 20 попыток суицида, вовлечены близкие и родственники суицидента, а также люди, имеющие суицидальные мысли и намерения.

По данным социально-экономических исследований, на 37580 самоубийств (1,9% от общего уровня смертности), официально зарегистрированных в Российской Федерации в 2009 г., приходилось, по расчетам, 0,4% жителей страны, пытавшихся покончить жизнь самоубийством, 0,2% людей из ближайшего окружения суицидента и 2,7% лиц, имеющих «внутренний суицидальный дискурс». В целом же в проблему суицидального поведения может быть включено до 4,7 млн чел., что составляет 3,3% населения страны [1].

Проблема самоубийства связана не только с психологическим, моральным ущербом, но

имеет также выраженные социально-экономические последствия, так как среди суицидентов преобладают люди молодого, а также зрелого, трудоспособного возраста. Так, по данным государственной статистики, в 2013 г. средний возраст от самоубийств, преимущественно мужчин, составил 44 года. Согласно данным некоторых исследований, экономический ущерб, связанный с «потерянными годами продуктивной жизни» от самоубийств, значительно превышает ущерб от других причин класса «несчастные случаи, травмы и отравления» и сравним с потерями от наиболее распространенных причин смерти (злокачественные новообразования и ишемическая болезнь сердца [1]).

Несмотря на имеющуюся незначительную положительную динамику в последние пять лет, уровень суицидов в стране по-прежнему превышает пороговый уровень в 20 суицидов на 100 тыс. населения. Данный уровень, как считают современные суицидологи, свидетельствует о наличии «социальной патологии» в обществе.

Все это подчеркивает значимость научного осмысления суицидального поведения населения, прежде всего в контексте социально-экономических условий формирования суицидальной активности, так как именно этот уровень анализа позволяет актуализировать социальный аспект управления, контроля и минимизации данной проблемы.

Целью исследования явилось сопоставление особенностей актуального развития социально-экономических показателей жизнедеятельности населения Алтайского края с уровнем суицидальной активности, проявляющей-

ся в значениях коэффициентов смертности от завершённых суицидов.

Объекты и методы: показатели официальной статистики, описывающие положение населения в Алтайском крае, а также уровень смертности от суицидов в сравнении с Сибирским Федеральным округом и Российской Федерацией в среднем по стране.

Результаты и обсуждения

Суицидологическая ситуация в Российской Федерации, СФО, Алтайском крае. В Российской Федерации с ее значительным территориальным разнообразием уровень суицидов широко варьирует. Сравнительный статистический анализ уровня самоубийств в 7 федеральных округах Российской Федерации показал, что наибольшее число суицидов приходится на Сибирский федеральный округ, коэффициент (k) – 40,5 на 100 тыс. населения в 2011 г. и 39,2 – в 2012 г. В состав округа входят 12 субъектов РФ (4 республики, 3 края, 5 областей): Республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия; Алтайский, Красноярский и Забайкальский края; Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская области. Критическая отметка, определенная ВОЗ как «высокий уровень суицида», превышена здесь более чем в 2 раза, при этом в Республиках Алтай, Бурятия и Тыва – в 3-3,5 раза.

Намного выше данного критерия ВОЗ показатели суицида в Дальневосточном федеральном округе ($k = 38,2$). «Лидируют» здесь Чукотский автономный округ ($k = 82,2$), Еврейская автономная область ($k = 56,6$), Амурская область ($k = 56,2$) и Республика Саха (Якутия) ($k = 48,5$), имеющие значительные превышения от критической отметки.

Наименьшее число суицидов зафиксировано в Южном федеральном округе ($k=14,4$). В состав округа входят 13 субъектов РФ (8 республик, 2 края и 3 области): Республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская республика, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия-Алания, Чеченская; Краснодарский, Ставропольский края; Астраханская, Волгоградская, Ростовская области. Минимальные показатели (единичные случаи суицида) зафиксированы в Чеченской республике ($k = 0,4$), Северной Осетии-Алании ($k = 2,1$) и Дагестане ($k = 3,3$), а в Республике Ингушетия в 2008 г. не было ни одного случая суицида. Низкий уровень или отсутствие самоубийств в этих республиках объясняется высоким уровнем самосохранительного поведения населения, национальными и религиозными традициями, осуждающими это явление.

Центральный федеральный округ, по критериям ВОЗ, имеет средние, но близкие к высоким, показатели уровня самоубийств

($k = 17,7$). В Ивановской ($k = 33,0$), Тверской ($k = 30,3$), Владимирской ($k = 28,6$), Костромской ($k = 28,5$) областях количество суицидов выше средних значений не только по округу, но и по России.

Близки к среднероссийским показателям данные по Северо-Западному федеральному округу, в котором коэффициент умерших от самоубийств 2008 г. составил 24,6 на 100 тыс. чел. Вместе с тем в этом же округе находится регион с самым большим количеством самоубийств в РФ – Ненецкий автономный округ ($k = 102,3$).

Уральский и Приволжский федеральные округа, занимающие промежуточное положение по числу самоубийств в России, имеют коэффициенты, значительно превышающие вышеназванные критерии ВОЗ (32,1 и 35,4 соответственно). К таким регионам в Уральском федеральном округе относятся Курганская область [2].

Анализ динамики распространенности суицидов в Сибирском федеральном округе и Алтайском крае свидетельствует о сохранении стабильно напряженной суицидологической ситуации. Сибирский ФО в 2013 г. занимал второе место среди федеральных округов РФ по числу зарегистрированных законченных суицидов, показатель составил 37,3 на 100 тыс. населения. Алтайский край в современное время среди других территорий СФО по уровню суицидов занимает четвертое место после Республики Алтай, Бурятии, Тыва, Хакасии.

Согласно данным Алтайкрайстата, выявлена негативная динамика суицидальной смертности населения в Алтайском крае с 1998 по 2008 гг. Так, среди горожан уровень суицидов увеличился за указанный период в 1,3 раза, достигая максимальных сверхвысоких уровней в особенно кризисные годы – 1994, 1995, 1999 гг. – 45,4; 45,8; 46,05 на 100 тыс. населения соответственно. Особенно интенсивно увеличивался уровень суицидов среди сельского населения. Смертность от суицидов сельян в Алтайском крае практически удвоилась и значительно превысила данный показатель среди городского населения края. Данные показатели подтверждают современные тенденции, выявленные в российском обществе, об увеличении источников суицидального риска среди сельского населения, включающих обнищание населения, высокий уровень алкоголизации, безработицы, отсутствия социальной инфраструктуры и т.п.

Структура смертности в Алтайском крае в настоящее время согласуется с общероссийской, третью позицию занимают внешние причины смертности, среди которых лидируют самоубийства, что составляет долю около 30% от внешних причин. Несмотря на позитивную динамику, связанную со снижением

уровня суицидов с 2009 по 2013 гг., коэффициент суицидальности в Алтайском крае в настоящее время превышает среднероссийский в 1,2 раза и предельно допустимый в 20 суицидов на 100 тыс. населения в 1,8 раз, что свидетельствует о неблагоприятной суицидологической ситуации в регионе.

Для определения социального фона существующей ситуации рассмотрим подробнее социально-экономические условия жизнедеятельности населения в регионе.

Социально-экономические условия жизнедеятельности населения в Алтайском крае. В Алтайском крае в данное время проживает 2407230 чел., городское население составляет 66%, сельское – 44%. По половому признаку в крае преобладают женщины – 54%, мужское население – 46%.

Доля населения трудоспособного возраста составляет 62%, а официально зарегистрированный уровень безработицы – около 2% [3].

Несмотря на то, что с 2007 г. наметилась положительная динамика рождаемости, количество новорожденных увеличилось с 28,3 до 30,9 тыс., при этом еще сохраняется отрицательный коэффициент прироста населения (-1,9). Согласно демографическим прогнозам изменения численности населения Алтайского края, в среднем в результате естественной убыли население в 2013 г. сократилось на 5260 чел., миграционный отток населения составил 7566 чел. К 2030 г. по данным прогнозов краевой статистики население края потеряет около 3 млн чел. [3]. Данные процессы являются яркими индикаторами социально-экономического положения населения в регионе и отражают специфику его социального благополучия.

Среди основных социально-экономических показателей в регионе уровень актуальной безработицы является наиболее суицидогенным фактором. Известный закон Д. Эштона утверждает, что рост безработицы на 1% вызывает всплеск суицидов на 4,1%.

В 2009 г. численность безработных в Алтайском крае уменьшилась со 152 тыс. чел. до 74 тыс. чел. в 2012 г., однако увеличилась до 95 тыс. чел. в 2013 г. Данные колебания численности безработного населения сказывались на уровне смертности от суицидов (рис.).

Наибольшее количество безработных в настоящее время составляют мужчины в возрасте 20-39, а также 50-59 лет. Исследование структуры и численности безработных по уровню образования выявило, что наибольшее количество безработных, как мужчин, так и женщин, имеют среднее полное образование. Согласно общероссийским и региональным социологическим исследованиям, именно данные группы населения, а в частности мужчины зрелого трудоспособного возраста со средним образованием, являются самой распространенной группой суицидального риска. Более высокий уровень безработицы в селах Алтайского края создает повышенную суицидоопасную среду, проявляющуюся в негативной динамике суицидов на селе, что представлено нами выше.

Согласно теориям социальной интеграции (Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Р. Коски, Б. Янг и др.) считается, что уровень материальной жизни косвенно определяет суицидальную активность населения, а бедность и нужда являются значимыми детерминантами суицидального риска.

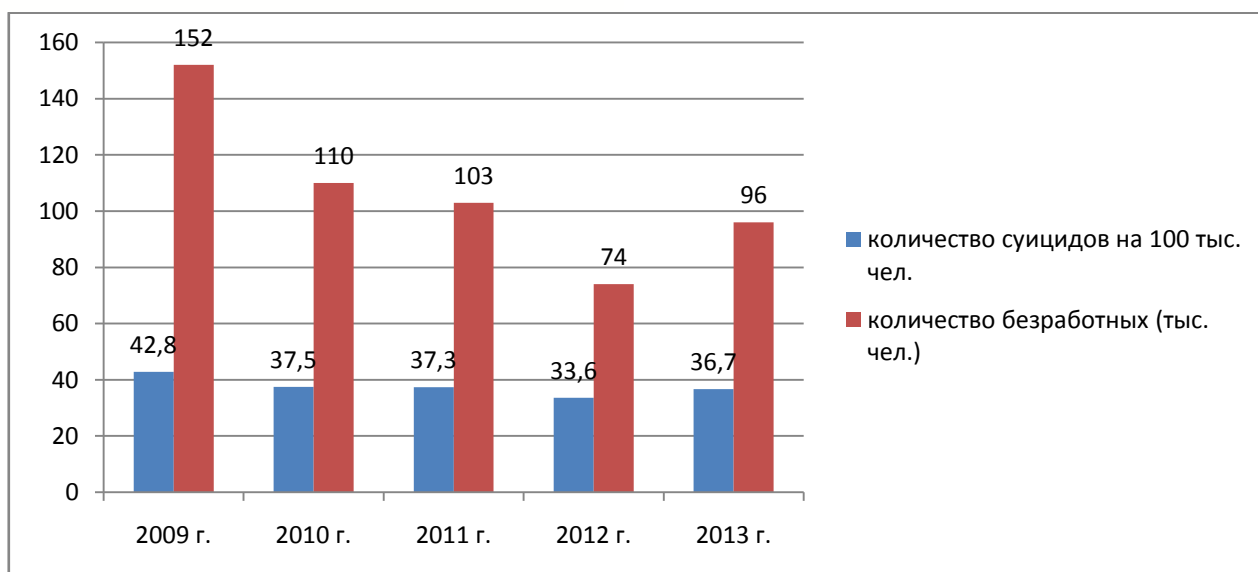

Рис. Динамика изменения уровня суицидов и численности безработных в Алтайском крае

Недостаточная эффективность экономики Алтайского края в современное время обуславливает относительно невысокий уровень заработной платы большей части населения региона, который ниже среднероссийского в полтора раза. По данному показателю край занимает лишь 13-е место из 16 территорий СФО. В регионе продолжают усиливаться процессы дифференциации и расслоения уровня материального благополучия. Соотношение доходов 10% наиболее обеспеченных жителей к 10% наименее обеспеченных составило 17,8 раз против 16,7 в 2010 г. [3]. Данные процессы стимулируют миграционный отток населения, который составляет 6-8 тыс. чел. ежегодно.

Недостаточный уровень материального благополучия, его несоответствие желательному и достойному формируют у значительной части населения настроения социальной фрустрации и тревожности. Кроме того, значимым фактором суицидального риска является сравнительная оценка своего материального положения и дохода с более значительными доходами других людей. Данный фактор суицидального риска особенно значим для молодых когорт населения [4, 5].

Здоровье населения, уровень заболеваемости, распространенность нервно-психических патологий, инвалидизация населения, неизлечимые соматические заболевания, такие как онкологические, СПИД, нарушения опорно-двигательного аппарата и др., суицидологи причисляют к актуальным факторам риска суицидального поведения. Так, согласно статистическим обзорам, уровень заболеваемости в крае как в целом, так и по основным классам болезней значительно выше, чем по России и Сибирскому федеральному округу. Численность лиц, впервые признанных инвалидами, выросла с 56,8 на 10 тыс. населения в 2009 г. до 59,5 в 2013 г. Увеличиваются нервно-психические расстройства населения, в первую очередь являющиеся психофизической основой суицидального поведения. Так, podobные болезни составили 22,8 на 10 тыс. населения в 2009 г. и 24,5 в 2013 г. Онкологические заболевания за этот же период выросли с 16,5 до 21,5 на 10 тыс. населения. При этом такой класс заболеваний, как травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин, к которому можно отнести и проявление аутоагрессивного суицидального поведения, вырос значительно больше, чем другие заболевания, и составил 82,4 в 2009 г. и 103,9 на 10 тыс. населения в 2013 г. С другой стороны, согласно анализу основных показателей здравоохранения в Алтайском крае, численность врачей сократилась с 48,2 на 10 тыс. населения в 2009 г. до 45,7 в 2013 г. [3].

В российском обществе в целом, как и его отдельных регионах, в частности Алтайском крае, действует «алкогольный и наркотический суицидальный синдром», согласно которому данные социальные девиации имеют ярко выраженный суицидогенный эффект.

Как свидетельствуют современные общероссийские и региональные социологические исследования, посвященные этой проблеме, в России распространенность злоупотребления наркотическими и другими психоактивными веществами возросла за последние два десятилетия настолько резко, что в настоящее время ситуация приняла характер развернутого эпидемического процесса как по темпам нарастания, так и по степени распространенности наркологических заболеваний среди населения. Согласно данным общероссийского мониторинга наркоситуации, количество лиц, допускающих потребление наркотиков, составляет 6 млн чел. [6, 7]. В Алтайском крае общее число зарегистрированных больных наркоманией в 2012 г. достигло 8738 чел. (0,4% от общей численности населения Алтайского края). Доля в структуре всех наркологических расстройств – 15,2% [8-10].

Суицидальное поведение населения – сложный многоаспектный феномен, инициируемый целым комплексом взаимосвязанных причин и факторов. Если социально-экономическое состояние среды жизнедеятельности населения является лишь социальным фоном для формирования суицидальных установок, то психологические, личностные, микросоциальные аспекты часто являются причиной развертывания непосредственных суицидальных попыток и законченных суицидов. В данном случае представляется важным рассмотреть особенности функционирования семьи и брака в Алтайском крае на примере роста такого нарушения семейной интеракции, как разводы. Абсолютное и относительное суицидогенное влияние разводов неоднократно доказано в процессе многочисленных исследований. Согласно статистическим показателям брачности и разводимости в Алтайском крае, было выявлено, что процент разводов в 2009 г. составил 44%, а в 2013 г. на 100% браков было зафиксировано уже 64% разводов [3, 11, 12]. Таким образом, выявленная тенденция свидетельствует о наличии в регионе еще одного актуального фактора риска суицидального поведения населения.

Подводя итоги анализа социально-экономических условий формирования суицидального поведения в Алтайском крае, необходимо резюмировать, что в современное время в регионе сложилась недостаточно благоприятная демографическая ситуация, проявляющаяся в постоянной естественной и миграционной убыли населения, высоком уровне смертности, распространенности суи-

цидального поведения, проявляющегося в превышении критического уровня суицидов.

В крае значительная часть трудоспособного населения имеет низкий уровень доходов. С другой стороны, в регионе продолжает усиливаться дифференциация доходов населения по различным видам экономической деятельности и социальным группам. Несмотря на имеющуюся позитивную динамику снижения уровня безработицы он остается значительным. Безработица сельского населения в 1,7 раз превышает уровень безработицы в городе. Все это свидетельствует о недостаточно комфортной для населения края социальной среде, невысокой обеспеченности достаточного уровня социальных благ, отсутствия для значительных групп населения, особенно сельского, позитивных перспектив роста материального благосостояния. Данные процессы создают социальную среду для рискованного суицидального поведения.

Таким образом, антисуицидальная социальная политика в Алтайском крае должна базироваться на стратегии достижения высоких стандартов, оптимизирующих уровень и качество жизни населения. Представляется достаточно востребованной главная стратегическая цель развития Алтайского края, свидетельствующая о том, что к 2025 г. регион должен стать глобальным центром здоровья, культуры и отдыха, а также обеспечить оптимальные стандарты качества жизни населения.

Библиографический список

1. Морев М.В., Любов Е.Б. Социально-экономический ущерб вследствие смертности населения от самоубийств // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 6 (18). – С. 119-130.
2. Валихметов Р., Мухмадиева Р., Хилажева Г. Опыт социологического исследования проблемы суицида // Вестник общественно-мнения. – 2010. – № 1 (103). – С. 65-90.
3. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rossstat_ts/akstat/ru/statistics/population/, дата обращения 08.07.2014 г.
4. Черепанова М.И. Социальные условия и факторы суицидального поведения молодежи // Известия АлтГУ. – 2010. – № 1/2. – С. 231-234.
5. Максимова С.Г., Авдеева Г.С., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А., Черепанова М.И., Кайзер Н.Ю. Анализ риска спектров социального поведения населения Алтайского края // Известия АлтГУ. – 2011. – № 2/2. – С. 231-235.
6. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Максимов М.Б. Социальные де-

виации в рейтинге угроз сохранения безопасности социально-экономического развития региона (на примере социологического исследования населения Алтайского края) // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – № 9. – С. 111-114.

7. Максимова С.Г. Социально-экономические и социально-политические угрозы безопасности в оценках населения приграничных регионов России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2012. – № 12 (98). – С. 132-137.

8. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Омельченко Д.А., Авдеева Г.С. Адаптивные стратегии населения Алтайского края в нестабильных социально-экономических условиях // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2011. – Т. 86. – № 12. – С. 117-120.

9. Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П. Социально-экономические критерии выбора стратегии социологического исследования регионов // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – № 4 (102). – С. 117-121.

10. Platt L., Sutton A.J., Vickerman P., Koshkina E., Maximova S., Latishevskaya N., Hickman M., Bonell C., Parry J., Rhodes T. Measuring risk of HIV and HCV among injecting drug users in the Russian Federation // European Journal of Public Health. – 2009. – Vol. 19. (4). – P. 428-433.

11. Морковкин Г.Г., Литвиненко Е.А., Байкалова Т.В., Максимова Н.Б. Использование ГИС-технологий для оценки временной динамики структуры агроландшафтов и свойств почв на примере умеренно-засушливой и колочной степи Алтайского края // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2013. – № 5 (103). – С. 39-45.

12. Морковкин Г.Г., Деев Н.Г., Демин В.А. Инновационный путь развития – реальная перспектива для Алтайского края // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2006. – № 5. – С. 7-10.

References

1. Morev M.V., Lyubov E.B. Sotsial'no-ekonomicheskii usherb vsledstvie smertnosti naseleniya ot samoubiistv // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. – 2011, № 6 (18). – S. 119-130.
2. Valikhmetov R., Mukhmadieva R., Khilazheva G. Opyt sotsiologicheskogo issledovaniya problemy suitsida // Vestnik obshchestvennogo mneniya. – 2010. – № 1 (103). – S. 65-90.
3. Ofitsial'nyi sait territorial'nogo organa Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Altaiskomu krayu. [Elektronnyi resurs]. - Rezhim dostupa http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rossstat_ts/akstat/ru/statistics/population, data obrashcheniya 08.07.2014 g.

4. Cherepanova M.I. Sotsial'nye usloviya i faktory suitsidal'nogo povedeniya molodezhi // Izvestiya AltGU. – 2010. – № 1/2. – S. 231-234.

5. Maksimova S.G., Avdeeva G.S., Goncharova N.P., Noyanzina O.E., Omel'chenko D.A., Cherepanova M.I., Kaizer N.Yu. Analiz risk-aspektov sotsial'nogo povedeniya naseleniya Altaiskogo kraja // Izvestiya AltGU. – 2011. – № 2/2. – S. 231-235.

6. Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Goncharova N.P., Maksimov M.B. Sotsial'nye devyatsii v reitinge ugroz sokhraneniya bezopasnosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona (na primere sotsiologicheskogo issledovaniya naseleniya Altaiskogo kraja) // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2013. – № 9. – S. 111-114

7. Maksimova S.G. Sotsial'no-ekonomicheskie i sotsial'no-politicheskie ugrozy bezopasnosti v otsenkakh naseleniya prigranichnykh regionov Rossii // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2012. – № 12 (98). – S. 132-137.

8. Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Goncharova N.P., Omel'chenko D.A., Avdeeva G.S. Adaptivnye strategii naseleniya Altaiskogo kraja v nestabil'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2011. – № 12 (86). – S. 117-120.

9. Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Goncharova N.P. Sotsial'no-ekonomicheskie kriterii vybora strategii sotsiologicheskogo issledovaniya regionov // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2013. – № 4 (102). – S. 117-121.

10. Platt L., Sutton A.J., Vickerman P., Koshkina E., Maximova S., Latishevskaya N., Hickman M., Bonell C., Parry J., Rhodes T. Measuring risk of HIV and HCV among injecting drug users in the Russian Federation // European Journal of Public Health. – 2009. – Vol. 19. (4). – P. 428-433.

11. Morkovkin G.G., Litvinenko E.A., Baikolova T.V., Maksimova N.B. Ispol'zovanie GIS-tehnologii dlya otsenki vremennoi dinamiki struktury agrolandshaftov i svoistv pochv na primere umerenno-zasushlivoi i kolochnoi stepi Altaiskogo kraja // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2013. – № 5 (103). – S. 39-45.

12. Morkovkin G.G., Deev N.G., Demin V.A. Innovatsionnyi put' razvitiya – real'naya perspektiva dlya Altaiskogo kraja // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2006. – № 5. – S. 7-10.

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта РГНФ № 14-13-22010 «Социальные риски производства суицидального поведения в региональном социуме (на примере исследований в Алтайском крае)» 2014-2015 гг.

УДК 338.28

Д.М. Матвеев
D.M. Matveyev

ОСВОЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

IMPLEMENTATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL ACHIEVEMENTS IN AGRICULTURE: REALITY AND PROSPECTS

Ключевые слова: сельское хозяйство, государственная поддержка, инвестиционная привлекательность, научно-технический прогресс.

Сельское хозяйство России играет ключевую роль в обеспечении благосостояния 6% трудоспособного населения и 5,3% ВВП России, без учета перерабатывающих предприятий. Реализация ряда законодательных актов, направленных на развитие отрасли, позволила существенно обновить машинно-тракторный парк и ускорить процесс освоения научно-технических достижений. Вместе с тем за последние 7 лет размер кредиторской задолженности увеличился почти в 3 раза и составил 1,43 трлн руб. По банковским кредитам долг вырос в 5 раз – до 1083,2 млрд руб. Резкое увеличение долговой нагрузки хозяйств негативно отразилось на их финансовом состоянии. Вступление России в ВТО обострило актуальность повы-

шения конкурентоспособности отечественных сельскохозяйственных товаропроизводителей на инновационной основе. Предлагаются методика повышения инвестиционной активности в сельском хозяйстве и механизм привлечения частных инвестиций в крупные проекты по организации и модернизации производства, в основе которого лежат обеспечение государственных гарантий возврата вкладываемых финансовых ресурсов и субсидирование выплачиваемого купонного дохода на уровне не менее 10% из бюджетов субъекта Российской Федерации и федерального. В условиях среднегодовой инфляции на уровне 7,6% предлагаемый уровень доходности является для бюджетов и инвесторов приемлемым, однако по мере укрепления рубля он может быть пересмотрен. Представлен анализ экономической эффективности реализации подобных проектов и их значения для субъектов РФ на примере Новоси-